

А. Н. КАЧАЛКИН

ПАМЯТНИКИ МЕСТНОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII в.
КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

1. Приказно-деловой язык XVII в., начала «нового периода русской истории»¹, на который приходится начальный этап формирования языка русской нации, весьма интересен для целей исторической лексикологии. В это время «с расширением круга производств и ремесел, с развитием техники и культуры все расширяются функции деловой речи». «...деловая речь, по крайней мере в известной части своих жанров, уже выступает как один из важных и активных стилей народно-литературного типа языка» — писал В. В. Виноградов². На важную роль приказного языка XVII в. в складывании общелитературной нормы указывал и Б. А. Ларин, одновременно обращая внимание на местные особенности этого языка в деловых бумагах провинциальных канцелярий³. Отраженные в деловых памятниках особенности живых диалектов XVII в. — это богатейший материал для изучения семантической эволюции и географии слов, причем памятники XVII в. тем более ценны, что они сохранились до нас в объеме, превышающем материалы предшествующих столетий вместе взятых. Достоинства этих документов продемонстрированы и доказаны в немногочисленных диссертациях, статьях и в наиболее крупном сочинении в области русской исторической лексикологии этого периода — книге С. И. Коткова⁴.

Часть этого материала опубликована или описана. Документы, связанные происхождением с определенной территорией, публикуются в течение последнего десятилетия в сборниках по лингвистическому источниковедению; там же даются аннотации некоторым фондам центральных и местных учреждений (Н. С. Коткова⁵, Т. С. Оловенникова, З. Д. Попова, В. А. Скогорев и В. И. Собинникова⁶, отдельным типам местных памятников (Г. А. Хабургаев⁷). И все же богатый и разнообразный актовый материал центральных и местных древлехранилищ в своем преобладающем большинстве пока остается не введенным в научный оборот, что не может не сказаться отрицательно на возможностях исторической лексикологии и вообще истории языка при поисках новых решений, формулировании некоторых положений и обобщений.

В данной статье мы стремимся привлечь внимание лингвистов к еще не описанным и не разработанным документам местного происхождения, выявленным нами в процессе работы над фондами центральных архивов, библиотек и музеев. Свою задачу мы видим не в том, чтобы отделить опубли-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., I, стр. 153.

² В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, М., 1958, стр. 95.

³ Б. А. Ларин, Разговорный язык Московской Руси, сб. «Начальный этап формирования русского национального языка», Л., 1963.

⁴ С. И. Котков, Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков, М., 1970. Там же см. указания на литературу.

⁵ «Источниковедение и история русского языка», М., 1964.

⁶ «Исследования источников по истории русского языка и письменности», М., 1966.

⁷ «Изучение русского языка и источниковедение», М., 1969.

ликованные памятники от неопубликованных (даже предварительное знакомство с фондами позволяет говорить, что большая — примерно 90% — часть документов не опубликована и не описана), а в том, чтобы сообщить о существовании богатых местными материалами фондов, указать на возможности изучения местного варианта приказно-делового языка и через его посредство местного говора определенной территории России XVII в.

Местным документам уцелеть до наших дней было труднее, чем центральным — внимание хранителей обычно привлекали внушительной внешности царские грамоты и указы. В архивах нередко встречаются «местные» фонды, которые почти целиком состоят из приказных документов Москвы, адресованных этому городу, а следов местной писчей работы обнаружить в таких фондах иногда не удается совсем. Но сожалея об утраченных памятниках, мы тем большее значение придаем сохранившимся, особенно в тех случаях, когда это не разрозненные отрывки, а целые фонды местных учреждений. Они, отражая в своей совокупности те или иные языковые явления, позволяют с большей достоверностью квалифицировать некоторые из них как местные. И хотя до завершения источниковедческой работы в этом направлении еще далеко, все же уже сейчас представляется целесообразным воссоздать общую картину определенных фондов и типов памятников. Демонстрация территориального распространения групп памятников позволит увереннее судить об имеющихся возможностях изучения русского языка, его словарного состава в историко-географическом плане.

Очевидно, что фонды неисследованных рукописей прежде всего необходимо соотнести с материалами наиболее богатого собрания старорусских слов — Картотеки Древнерусского словаря (далее КДРС). Это тем более своевременно, что в последние годы распространилось мнение, согласно которому для успешного ведения исследований в области исторической лексикологии возникает «настоятельная необходимость... пользоваться лексическими богатствами Картотеки Древнерусского словаря с дополнительной выпиской материалов из опубликованных письменных памятников»⁸.

Позволительно будет напомнить, что в 1925 г. ОРЯС поддержало предложение А. И. Соболевского о создании «словаря древнего и старого языка» и с этого момента началась работа по определению круга источников, составлению картотеки и самого словаря. Особенно выросла картотека в 30-е годы, когда работу над древнерусским словарем возглавил Б. А. Ларин. К настоящему времени картотека, пополняющаяся в течение уже почти полувека, насчитывает около полутора миллионов карточек⁹.

Сотрудники картотеки указывают, что «XVII век представляют 495 памятников. Это важнейшие тексты юридического характера, акты, переписные, приходно-расходные и другие книги, статейные списки, письма, повести, жития, летописи. 145 источников XVII века — рукописи, среди них преобладают деловые документы, имеются также повести, жития и другие памятники... По территориальной приуроченности памятники

⁸ Б. Л. Богородский, Русская судоходная терминология в историческом аспекте. Автореф. докт. диссерт., Л., 1964, стр. 12.

⁹ Местные памятники делового языка, опубликованные до революции и до 30-х годов XX в., почти полностью вошли в список источников ДРС. Документы, изданные после 30-х годов, расписаны в картотеке лишь частично. Публикации советского периода и исследования по языку деловых памятников XVII в. отражены в книгах «Славянское языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР», М., 1963, т. I, стр. 75—77; т. II, стр. 78, 101—103 и «Славянское языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1961 по 1965 гг.», М., 1969, стр. 115—116.

XVII века относятся преимущественно к северным и северо-западным территориям, и кроме того, к Москве. Ряд памятников принадлежит территории Сибири. Памятников, приуроченных к южнорусской области, немного. Это в основном издания рязанских и воронежских актов и „Донские дела“¹⁰.

Для наших целей из перечисленных типов памятников особенно интересны документы делового содержания. Местные деловые памятники, входящие в общий список источников картотеки, мы расклассифицировали по жанрам (видам, типам) и отнесли к определенной территории. Подобная же операция была проделана с памятниками, не вошедшими в круг источников ДРС, но известными нам по центральному древлехранилищу страны. В результате этой работы получились карты, прилагаемые к данной статье.

В ходе работы выяснилось, что расписанные в КДРС местные памятники XVII в. весьма неравноценны по объему и содержанию: это может быть и сборник актов, объединяющий до сотни и даже более документов («Переписные книги Ниловой Столбенской пустыни», «Акты Кирило-Белозерского монастыря»), и один листок, уцелевший от большого дела, например «явочная челобитная смольнянина Антона Коротнева». Обнаружилось также, что учесть весь местный материал, вошедший в КДРС, не удалось, поскольку в списке источников словаря не имеют специального наименования те отдельные локальные памятники, которые взяты из сводов документов типа Актов исторических, Дополнений к актам историческим, Актов Археографической экспедиции и им подобных. Однако учесть все местные документы не представляется возможным и по архивам (в библиотеках и музеях, где памятников значительно меньше, этот вопрос решается проще): зачастую интересные документы безусловно местного происхождения заключены в связки центральных бумаг и могут быть обнаружены лишь при тщательном обследовании фондов центральных учреждений, что является самостоятельной и многотрудной задачей. Поэтому на первом этапе поиска местных памятников могла идти речь не об учете каждого отдельного документа, но о выявлении и сопоставлении тематически однородных групп документов, написанных в старорусских учреждениях на разной территории.

Отказавшись от учета каждого документа, мы старались вместе с тем собрать по возможности полные сведения по делопроизводству того или иного местного учреждения. Значительные затруднения при этом вызывает то обстоятельство, что однородные документы хранятся нередко в разных фондах, так сказать, «по традиции» лежат в делах того Приказа, куда они были затребованы еще в XVII в. Таможенные книги — документы, безусловно, местные. Хотя архивисты ЦГАДА и постарались не так давно свести их в общем фонде Таможен (№ 827), получилось, что в этот фонд попали книги преимущественно двух последних десятилетий XVII в. и многие книги XVIII в. Наиболее интересные, ранние Таможенные книги до сих пор рассеяны по разным фондам и встречаются то среди Боярских и городских книг (ф. 137), то в делах Владимирской, Галичской, или Новгородской, или Устюжской четвертей (ф. 215—217, 219). Общие принципы подбора документов для использования их историками (тема документов, их содержание, но не московская или диалектная принадлежность их авторов) также не способствуют легкому выявлению памятников, полезных для лингвистических исследований.

¹⁰ «Картотека древнерусского словаря», в сб. «Лингвистические источники», М., 1967, стр. 107.

После учета местных памятников стало очевидным, что они делятся на две большие группы, первую из которых представляют документы, написанные на местах московскими людьми, по инициативе Центра и для Центра, но по необходимости с привлечением местных людей. Вторую представляют бумаги, составленные местными дьячками, подьячими, грамотными старостами, выборными из местного населения таможенными и кабацкими головами. Лишь последние можно считать местными в собственном смысле слова¹¹.

2. На карту 1 нанесены сведения о памятниках первой группы — писцовых, межевых, дозорных и переписных книгах.

Писцовые книги — это сводные документы хозяйственных описаний, время от времени проводившихся в России¹². Наиболее широкими были описания 1638 и 1684—1685 гг., и за эти годы писцовые книги сохранились почти по всем территориям. Московские писцы, посланные на места, посредством этих книг доставляли правительству сведения о землях и угодьях определенного города или уезда, о жителях города и о лежащих на них повинностях. В писцовых книгах определялись границы городских владений, отдельных лиц и поселений на территории уезда.

В КДРС расписано немало опубликованных писцовых книг — они содержат описание следующих городов (или их уездов): Арзамас, Балахна, Валуйки, Верхотурье, Воронеж, Казань, Кунгур, Нижний Новгород, Рязань, Соль Камская, Тамбов, Углич, Устюг Великий, Хлынов (Вятка), Ярославль. Карта 1 позволяет представить, по каким территориям сохранились рукописи писцовых книг (всего отмечено 119 населенных пунктов). Особенно богато представлены памятниками этого жанра Галич, Кострома, Новгород, Псков, Рязань, Юрьев-Польский и Ярославль.

В период между общими описаниями земель для уточнения границ того или иного уезда, из-за изменения количества населения в нем после войны, а также при описании территории, впервые присоединенной к Русскому государству, составлялись дозорные книги. По существу (в жанровом отношении) это те же писцовые книги; они отличались от них не содержанием, но причиной составления. Особенно много дозорных книг появилось в период после Смутного времени, когда в «дозоре», переписи нуждались разоренные интервенцией не только окраинные, но и многие центральные земли. В дополнение к использованным КДРС дозорным книгам по Воронежу, Твери и Осинскому (возле Перми) уезду, укажем книги еще по 68 пунктам, отметив, что более всего их сохранилось по землям Вологды, Устюга Великого, Рязани, Нижнего Новгорода, Тулы, Каширы и Коломны.

XVII в. оставил немало и межевых книг различных территорий. Если в Москву поступала жалоба о нарушении границ земельных владений, если нужно было разрешить тяжбу между местными помещиками и монастырями, из московского Поместного приказа приезжал дьяк или иной представитель. Материалы разбора дела, подробнейшие описания границ (меж) земельных участков и составляют основное содержание межевых книг. Особенно много этих документов по Мценску, Рязань, Солове; полнее всех других жанров сохранились они по землям Владимира, Венева, Воротынска, Деилова, Ельца, Епифани, Серпухова, Суздаля, Перемышля и др. Всего этот тип книг отмечен для 106 пунктов; в КДРС он представлен Арзамасом, Воронежем, Кунгуром и Ярославлем.

¹¹ Обычно эти две группы в исторических и лингвистических исследованиях рассматриваются недифференцированно. При этом не разграничивается весьма определенная специфика этих документов.

¹² Ср.: И. С. Филипова, К лингвистическому изучению писцовых книг, сб. «Источниковедение и история русского языка», М., 1964, стр. 173—189.

Нередко бывало, что одни и те же люди одновременно с описанием земель занимались и их межеванием. В таких случаях появлялись книги, называвшиеся «п и с ц о в ы е и м е ж е в ы е»; содержание их аналогично книгам соответствующего типа. В КДРС эти книги не представлены; фонды древлехранилищ указывают их для 42 пунктов.

Основной задачей п е р е п и с н ы х книг был учет жителей определенного населенного пункта или целого уезда. Типичная переписная книга ограничивается лишь переписью посадских, жилецких, служилых людей городов и уездов, ничего не сообщая о постройках и землях. В книге, как правило, указывается место рождения человека («родина отца»), перечисляются сведения о детях, об источниках доходов, о промыслах дворохозяев, о возложенных на них обязанностях или оброке. КДРС включает лексику из переписных книг по Арзамасу, Ладогe, Ростову, Ярославлю, Новгороду и Нижнему Новгороду. Центральные архивы и библиотеки имеют такие книги по 138 пунктам; более всего они сохранились по Арзамасу, Боровску, Брянску, Вологде, Галичу, Казани, Торопцу и Устюгу Великому.

Таковы наиболее распространенные типы книг, составленных московскими писцами с участием местных грамотных людей. По инициативе Москвы создавались также крестоприводные и шертовальные книги. В жанровом отношении они ближе всего к переписным книгам, ибо представляют собой списки русского или иноземного населения, приводимого к присяге новым царям, однако в них не встречаются сведения о промыслах, возможные в переписных книгах. Этих книг сохранилось сравнительно немного, мы оставили их за пределами описания и карты.

3. Что касается памятников собственно местного происхождения, то в XVII в. на отдельных территориях встречается до пятидесяти (по назначению, а иногда и по самоназванию) типов деловых документов, написанных в том или ином провинциальном учреждении. На карте 2 представлены сохранившиеся фонды трех местных учреждений: приказных, земских и губных изб.

Делопроизводство на местах велось в приказных избах, которые назывались в XVII в. еще и воеводскими, съезжими или (изредка) схожими. Мирские, общинные дела вершились в земских избах, судопроизводство — в избах губных. Правда, взаимоотношения между приказными и губными избами в отношении судебных дел не совсем ясны — судить мог и воевода и губной староста. Большинство судебных дел отложилось в делах приказных изб. Назовем и еще одно местное учреждение с обилием письменной работы — таможни.

Приказная изба была центром управления уезда, ее возглавлял воевода — главный администратор уезда¹³. В Избе приобретали юридическую силу сделки между отдельными людьми. В делах приказных изб много разного рода записей, из которых чаще всего встречаются купчие, порядные, подможные, сговорные, сдаточные, меновные. Все эти записи производились в Избе в присутствии свидетелей. В порядных записях фиксировалось обязательство того или иного лица на выполнение мастерского дела или какой-нибудь другой работы. В обязательстве указывалось, кто, к кому, на какой срок и на какую именно подрядился работу. Порядной записи могла сопутствовать еще и подможная. В ней записывались условия о подмоге (помощи). Сговорные записи содержали в себе свадебные обязательства родителей невесты, перечни приданого. В разновидности сговорных записей — рядных — перечислялись обычно и вещи, и земель-

¹³ О местных учреждениях специально см.: «Очерки истории СССР. Период феодализма, XVII век», М., 1955, стр. 384.

ные владения с находящимися в них крепостными. Купчие и меновные записи закрепляли акт продажи или перехода земли из одних рук в другие.

В приказных избах накапливались различные кабальные грамоты: закладные, выкупные, заемные и служилые. В Избе сохранялись и разного рода отписи, которыми назывались в то время расписки в получении денег, хлеба и вообще всякого имущества.

В фондах приказных изб сохранилось по несколько расписных списков, называвшихся иначе городовыми описями или приемными описями города. Вступая в должность, новый воевода принимал у своего предшественника полный перечень городских строений, укреплений, сведения о военных запасах, описания посадских дворов, отчеты о приходе и расходе денежной казны. В конце каждого года воевода составлял сметную книгу — своеобразный отчет о состоянии управляемого им города, например: «Город Переславль-Рязанский острог ставлен и башни рублены в дубовом лесу острог городской крыт был тесом а крышка вся огнила и бурюю раскрыло весь без остатку коровати и лесницы ветхи погнили все взайтить по ним нельзя...»¹⁴.

В принципе любой документ местного делопроизводства мог быть затребован в Москву. Но были среди них такие, посредством которых воевода постоянно общался с ведавшим им московским приказом. Таковы воеводские отписки, пожалуй, самый распространенный тип сохранившихся деловых документов. В фондах приказных изб встречаются черновики воеводских отписок, а белый экземпляр сохраняется в делах определенного приказа, чаще всего Разрядного. В отписках получали отражение разнообразные стороны местной жизни: в них сообщалось об охране города и уезда, описывались текущие события, чрезвычайные происшествия (внезапные нападения врага, пожары, повальные болезни) и их последствия.

Из приказных изб в Москву посылались также обыскные книги — отчеты по делу, установленному московской сыскальной грамотой, которая обязывала выяснить, можно ли отдать определенную землю в поместье. Обыскные книги содержат точные и подробные сведения о земле, заинтересовавшей Москву.

Составители КДРС называют материалы Астраханской, Белозерской, Дедиловской, Новгородской приказных изб и Черкасского войскового круга. Представляется возможным указать на фонды еще девяноста таких местных учреждений, из которых наиболее богато документированы Владимирская, Арзамасская, Вяземская, Каширская, Угличская, Шацкая и Темниковская приказные избы. Несколько меньше приказных документов сохранилось по Бежецкой, Курмышской, Можайской и Путивльской избам; но эти фонды, как и предыдущие, предоставляют в распоряжение исследователя памятники разнообразных жанров, написанные в разные, в том числе и наиболее ранние годы XVII в.

И в приказных, и в губных избах вершились «судные дела». Такое дело начиналось с явочных или исковых челобитных потерпевших или же по извету правительственных чинов: старост, десятников. В столбце судебного дела — обязательные «приводы», «сыски», «распросные речи», «очные ставки», «наказные памяти» приставам, «доезды» приставов и некоторые другие документы. «Доезды» представляют собой своеобразные отчеты по результатам поездки пристава или просто местного дьячка об обстоятельствах судебного дела: результаты обследования границ между поместьями, проверки доносов, допросов «оговорного человека». Доку-

¹⁴ ЦГАДА, ф. 210, Разр. вяз., ед. хр. 10169, л. 23.

менты губных изб, к сожалению, сохранились (или лишь нам известны) только по Белоозеру, Кашире и Угличу.

Жанры документов других местных учреждений — земских изб — менее разнообразны. На обязанности земских изб лежало управление своим посадом или волостью, сбор налогов; на земских сходах решались разнообразные общинные дела. От делопроизводства этих учреждений сохранились записи выборов посадских людей для исполнения различных мирских дел, приговоры местных жителей «в земской избе на сходе» о разделах земли, сенных покосов, отхожих лугов, досмотры по жалобам посадских людей и крестьян, окладные земские книги с описанием дворов и обозначением платежей. Богато представлены документами земские избы Вязьмы, Дмитрова, Кинешмы, Муром; сохранились отдельные записи и приговоры по городам Большие Соли, Углич, Юрьевец, Ярославль. Материалы губных и земских изб почти не известны в науке, они практически не публиковались; в КДРС отражения не получили.

В любое из названных местных учреждений могли быть поданы челобитные — прошения на имя царя или местных властей. Челобитные подавались по самым разнообразным поводам: в связи с убийствами, грабежами, поджогами, незаконным захватом земли; в челобитных содержались жалобы на неплательщиков долга, просьбы о наделении поместьями, денежным жалованием, о сыске беглых крестьян и т. п. Именно в челобитных (и еще отписках воевод) получала наиболее яркое отражение повседневная жизнь провинциальных городов.

В приказных, земских избах и в монастырях велись приходно-расходные книги. В них есть сведения о крестьянских промыслах, о расчетах с наемными мастеровыми людьми, о покупке продуктов и товаров у местного населения на ярмарках и в Москве. Приходная часть книг тематически менее интересна: в ней перечисляются принятые суммы оброчных денег с пашен, лугов и различных угодий, таможенных пошлин, «банных денег». Не слишком богата в этом плане та расходная часть, где говорится о так называемых «окладных расходах» на денежное жалование служилым людям, оброчникам и т. п. Наиболее содержательна в тематическом отношении часть, называющая «неокладные расходы»: на постройку судов, на обстановку съезжей избы, на различные поделки для города. Гораздо однообразнее тематически другие приходо-расходные книги, часто встречающиеся в местных фондах — хлебные и соляные.

Отразить на карте все жанровое многообразие местных памятников сейчас не представляется возможным. Сама жанровая классификация — вопрос очень сложный. Во всяком случае документов разных типов много, а кроме того, мы еще не достаточно подробно знаем фонд каждого местного учреждения. Проба, однако, все же была сделана: на карте 2 мы указали на сохранившиеся по разным территориям документы двух типов — таможенные и отказные книги.

Таможенные книги состоят из перечней разнообразных товаров, привозимых на местные ярмарки, «явок» местных и приезжих людей. Иногда от книг сохранились лишь копии выписей, данных иногородним купцам по предъявлении товаров на таможне. Таможенные книги велись выборным из местных посадских людей — таможенным головой или его помощником — целовальником.

Отказные книги — акты на владение землей. Ими удостоверялось право того или иного лица на владение земельным угодьем, поэтому при отказе необходимо было точно указать и описать границы данного угодья, сообщить его природные и искусственные межевые приметы¹⁵.

¹⁵ Подробнее о документах этого жанра см.: С. И. Котков, *Отказные книги*, ВЯ, 1969, 1, стр. 131.

Отмеченные на картах фонды различны по объему и в определенной мере разнородны: содержат разнотипные документы. Конечно, это обстоятельство досадное, ибо оно не позволяет до конца последовательно провести сопоставление документов, но разнородность материала — вообще известное препятствие на путях исторических исследований.

4. Лексическая информативность перечисленных памятников неодинакова.

Среди деловых документов, составленных на периферии московскими людьми с участием местных жителей, лексически наиболее информативны писцовые книги. Внешне однообразные перечни предметов и списки людей на самом деле предоставляют исследователю богатый лексический материал. В связи с описанием городов в писцовых книгах получали широкое отражение названия частей города, городских укреплений и построек, видов вооружения, административных учреждений, торговых мест, пригородных владений. Списки людей сопровождаются указанием на род их занятий, а это влечет отражение ремесленной терминологии: названий профессий, ремесленных заведений, инструментов и орудий производства, изделий, предметов торговли. Описание земельных владений дает богатую географическую номенклатуру, названия естественных и искусственных примет для обозначения границ огородов, пожен, сенокосов и др.

Поскольку описание новых земель и исправление старых писцовых книг осуществлялось под руководством московских людей (окольничих, стольников или дворян), в документах такого жанра нельзя ожидать сколько-либо значительного отражения местной терминологии. Обратим, однако, внимание на следующее обстоятельство: по ряду территорий сохранились черновые («черные») писцовые книги, составлявшиеся на местах, и «белые», подававшиеся непосредственно в московские приказы, ведавшие территориями, на которой проводилось описание. Сопоставление двух вариантов позволяет убедиться, что в терминологических названиях пахотных земель, сенокосных угодий, лесных участков есть некоторые различия, обусловленные, по-видимому, тем, что непосредственно в уезде в составлении писцовой книги принимали участие местные люди (дьячки, подьячие, грамотные старосты и др.). Заметим все же, что число таких различий невелико.

Основное достоинство писцовых книг в отношении местного материала — сообщение ими богатейших сведений по топонимике и ономастике: разнообразнейших названий деревень, сел и селец, слобод, острогов, починков, урочищ, пожен, различных имен и фамилий, любопытных прозвищ. Интересно, что в ряде писцовых книг встречается два названия населенных пунктов: церковное и местное. Дозорные книги по лексическому содержанию аналогичны писцовым. В межевых книгах несколько подробнее, чем в писцовых, представлены названия особенностей ландшафта, земельных угодий и предметов, служивших указателями границ земель разных владельцев. Переписные книги дают, подобно писцовым, интересные сведения о промыслах (*мыльной, чарочной*) и источниках дохода переписных людей (*прасолит рыбою, кормитца торжишком, шьет портное*), во в целом лексика в них представлена беднее, чем в писцовых, и лингвиста здесь привлекает в первую очередь богатейший ономастический материал. Прозвищные наименования лиц, возникавшие в живой народной речи, могут послужить хорошим дополнительным источником для исторической лексикологии.

Что касается памятников собственно местного происхождения, то не приходится возлагать большие надежды на любой из них. Из-под пера местного писца появлялось немало документов чисто канцелярского свойства: книги записей челобитных, вершенных и невершеных дел; росписи судных и на-

местных дел при воеводах и т. п. С другой стороны, можно заметить, что к XVII в. уже сложились определенные типы местного делопроизводства как по форме, так и по содержанию. Таковы расписки, жилые, кормежные, меновные, наемные памяти. В плане диалектной лексики они наименее информативны, тем более что смысловое задание этих документов не предполагает обширного перечня реалий. Такими перечнями очень богаты приходо-расходные и сметные книги, расписные списки городов, росписи и описи дворов и имущества.

В приходно-расходных книгах широко представлена разнообразная хозяйственная лексика: названия продуктов питания, разного назначения посуды и утвари, одежды, обуви, тканей и материалов, мелких предметов домашнего обихода, названия людей по профессии и т. п. Бытовая лексика. Так, например, в рязанских расходных книгах встречаем слова: *бадян, бакан, балатон, бегоуль, бобровник, бродник, бредник, бураец, бурачок, варега, варища, вертловый, возжа, возенка, волок, воровина, вопище, вошва, гвоздарь, голица, голочичник, головицина, двакольный, десть, драница, дрань, епанча, ендова, житник, зажилое, закрепа, запон, зернятный, извара, кадь, кумганец, корец, комяга, камка, курпай, лагун, лапотница, ловчанин, ложкомой, лоскота, луданый, медведна, мень, мучня* и др.

Названия людей по профессиям и отчасти бытовую лексику можно встретить и в расписных списках городов, но в них будут особенно заметны слои военной терминологии, лексики строительства, «городового дела». Ср. наиболее часто встречающиеся слова в расписном списке Кострома: *безый, корчемник, волконейка, затинный, започный, зелье, камень, копейщик, коробь, кремль, кровля, кружало, мост, мыльник, недоросль, перекрутка, пицаль, пленник, плотник, подрядчик, посад, пристав, пушечный, припас, приказная изба, разборщик, рейтар, ров, сборщик, свинец, станок, строенье, татиный, ядро* и др.

Если приходно-расходные, таможенные, описные книги, расписные списки лишь упоминают, называют слово, дают его в перечне других, то в челобитных, и особенно в расспросных речах, такое слово выступает обычно в широком контексте. Приведем здесь в качестве примера употребление слова *повалуша* в документе Каширской приказной избы. Роспись имущества: «Хором моих горница с комнатою на жилых подклетах сени да *повалуша* цена *ѳ* рублей *ѳ* алтын *Д* деньги»¹⁶. Явочная челобитная: «Как де она Марфа приехала к себе в дом и пошла в *повалушу* смотреть писем... и та де ево великого государя грамота и вышеписанная запись и людские крепости из ларца покрадены»¹⁷. Расспросные речи: «Тот де кофта не мой и у меня де тово кофтана в *поволуши* при сторонних людех коширские пушкарки не вынесли а то де поличное на человека моево пушкарки навезали на дворе»¹⁸.

Сравнительно с другими типами документов в челобитных и расспросных речах зафиксировано особенно много слов, утраченных к настоящему времени или экзотичных для современного языка; некоторые из них могут показаться загадочными. Каширские челобитные: *оболож, осек, осил, отвершек, павороз, половень, потопка, присада, приполянка, провар, рефет, тесла, тафтуй, трепел, топтун*. Расспросные речи в Каширской приказной избе: *переденка, перейма, поножи, свертень, талас*. Рязанские челобитные: *извят, налога*. Рязанские расспросные речи: *бадичок, вервь, ества*. Костромские челобитные: *ирха, куштыш, поводилицыж, приселок, топок*. Костромские расспросные речи: *стригач, стрясавица, плакун, черлень*,

¹⁶ ЦГАДА, фонд Каширской приказной избы, опись 2, ед. хр. 396, л. 2.

¹⁷ Там же, опись 3, ед. хр. 1в, л. 17.

¹⁸ Там же, опись 4, ед. хр. 372, л. 31.

читуша. Тульские челобитные: *курта, настрафиль, ольшан, ольстра, тидрушка*.

Только в челобитных и расспросных речах встречаем яркую эмоционально-оценочную лексику, например: «И он де Потапка за то его Савку учел бить и лаять как де ты страдник такое слово молыл»¹⁹. «Приезжал он Ларион в домишко мое в полночь невѣдомо по какому умыслу и меня холопа твоего бранил матерны называл вором стравником бездушником»²⁰.

Совсем иного плана лексика в отказных книгах: здесь преобладают названия рельефа местности, возвышенностей, впадин, массивов растущих деревьев и кустов, полей и других особенных «приметных» участков местности. Приведем несколько терминов из тульских и рязанских отказных книг. Тула: *всполье, кустарь, локтевина, полугорье, присада, прогарь, усад*. Рязань: *волховый, глушица, калище, костял, кулига, надолба*.

Другие типы местных памятников менее информативны в лексическом отношении, хотя отдельные диалектные слова и встречаются в сговорных, рядных, купчих записях, а из порядных и подможных записей можно почерпнуть местные производственные и строительные термины.

Исследование разных жанров деловых документов (и в первую очередь воеводских отписок в Москву) представляет интерес в плане изучения взаимодействия центробежных и центростремительных тенденций в приказно-деловом языке, выяснения эволюции местной разновидности приказного языка. Соотнося памятники местного происхождения с документами московского приказного делопроизводства по тем же уездам, можно установить набор одних и тех же понятий, выражаемых разными лексическими средствами. В тех случаях, когда в языке московского подьячего или дьяка не находилось эквивалента местному слову, он давал его перевод, если, конечно, вообще правильно понимал локализм.

Понятно, что таких лексических расхождений было не особенно много, но они были, и памятники изучаемого периода свидетельствуют, что в XVII в. административно-приказный язык находился еще в стадии становления. Тем интереснее оказывается вскрыть местные варианты эволюции письменного делового языка. Даже самый беглый просмотр документов разных территорий позволяет заметить, что в зависимости от географического положения уезда, от его связи с Москвой эволюция эта происходила различно. В каширских памятниках диалектных слов гораздо больше, чем в тульских, а в отдельно взятых верхотурьинских или великоустюжских документах локализмов во много раз больше, чем в Туле и Кашире вместе взятых.

Мы говорили здесь в основном о лексике диалектной и терминологической. Но лексиколога интересуют не только специфические диалектные слова, а и общий словарный фонд делового языка XVII в. Местная деловая письменность и здесь дает богатые сведения. В учете и привлечении материалов, хранящихся на местах, в дальнейшей разработке фондов центральных древлехранилищ можно видеть одну из ближайших задач историков русского языка.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 210, Белгородский стол, ед. хр. 190, л. 133.

²⁰ ЦГАДА, ф. 1179, оп. I, 14.